

Савинков Борис Викторович

**Во Франции во время
войны**

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Викторович С.**
Во Франции во время войны: Часть 2 / Савинков Борис Викторович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 178 с.

ISBN 978-5-519-84370-6

ISBN 978-5-519-84370-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ныхъ зимнихъ разсвѣтовъ, когда по гулко-каменной мостовой идетъ на работу сѣрый народъ: столяры, кузнецы, слесари, каменщики, приказчики, портнихи и швеи.. Мы не знали Парижа упорныхъ и медленныхъ достижений, Парижа настойчивости, непоколебимаго прилежанія и жестокой борьбы за жизнь. Мы знали единственно то, что занимало и развлекало насъ: на одной сторонѣ—Луи-Бланъ, Жоржъ-Зандъ, Робеспьеръ, на другой—„Корневильскіе колокола“ и Монмартръ. Сердце Франціи оставалось для насъ неизвѣстнымъ, да мы и не пытались его узнавать. Гудѣлъ фабричными гудками Парижъ, стучали мастерскія въ Ліонѣ, громыхали лебедки въ Марсельскомъ порту, шелъ за плугомъ крестьянинъ въ Оверни, виноградарь, не покладая рукъ, работалъ въ Бордо, вся трудовая и трудолюбивая Франція неустанно ежедневно, съ любовью строила свою французскую, свободную жизнь, воспитывала свой французскій, веселый и твердый, духъ, а мы видѣли только вывѣску, только ярлыкъ, только „Dubonnet“ и „Pneu Continental“. И, не заглядывая въ глубины, закрывая, какъ нелюбопытныя дѣти, глаза, мы выносили неумолимый и строгій -- справедливый ли? — приговоръ.

Теперь и слѣпому ясно, что несправедливый. Во время этой страшной войны, когда Франція, въ бореньи, напрягла свои силы, какъ женщина напрягаетъ свои во время родовъ, мы увидѣли, наконецъ, французскую душу. Война застала Францію неготовой. Казалось, не было возможности защищаться. Но въ двѣнадцать мѣсяцевъ выросла многомилліонная армія, съ многочисленной артиллеріей, съ непостижимыми запасами аммуниціи, съ тысячами аэроплановъ, съ превосходными кадрами, съ превосходнымъ команднымъ составомъ. Въ одинъ годъ „легкомысленные мѣщане“ превратились въ закаленныхъ бойцовъ. Армія, разбитая подъ Шарлеруа и Моранжемъ, отступающая почти въ безпорядкѣ, почти гонимая непріателемъ, находитъ въ себѣ мужество и рѣшимость остановиться на Марнѣ, обороняться, какъ разъяренная львица и, пять дней сражаясь безъ перерыва, отбросить врага и затѣмъ преслѣдовать его по пятамъ. Гдѣ источникъ этой чудодѣйственной силы? Въ „грошевыхъ расчетахъ“? Въ картинахъ Делакруа, въ рѣчахъ Дантона,

въ стихотвореніяхъ Мюссэ? Или въ томъ, чего мы,—равнодушные,—не замѣтили, и что таится въ глубинахъ народа въ любви къ родинѣ, въ самоотреченіи, въ стойкой доблести и въ готовности умереть? И не потому ли во Франціи рождались Делакруа и Мюссэ, что французскій духъ—духъ мужества и свободы?

Франція не только свободна. Она не только готова на высочайшій подъемъ и на величайшую жертву. Ея дѣти матери, и отцы—не только мужественны и тверды. Русский тоже мужественъ и твердъ. Но не такъ, но по-своему, по иному. И если среди французскихъ солдатъ мнѣ не разъ,—къ моему удивленію,—приходилось встрѣчать тихихъ и скромныхъ и, въ застѣнчивости своей, самоотреченныхъ людей, Тушиныхъ и Тимохиныхъ, то это не значить, что французская твердость—твердость князя Андрея. Французъ не только стоекъ. Въ немъ есть одна, очаровательная и непонятная намъ черта: онъ веселъ. Во Франціи все смѣется. Смѣется небо, смѣются виноградныя лозы, смѣются майсовыя поля, смѣются рощи и смѣется, распѣвая, народъ. Дѣлая послѣднее напряженіе и поистинѣ не щадя своихъ силъ, французъ сохраняетъ улыбку. Улыбку не легкомыслія, а ту всепримиряющую улыбку, которая показываетъ, что человѣкъ любитъ весь міръ и вѣрить въ жизнь, какъ вѣрить въ себя. И вотъ эту-то улыбающуюся страну,—страну труда, свободы и жертвъ,—мы, въ непониманіи своемъ, недооцѣнивали, и, быть можетъ, даже и не любили. Война научила насъ. Да простятъ намъ наше угрюмое легкомысліе всѣ тѣ сѣрые и незамѣтные парижане, провансальцы, бретонцы, савояры, нормандцы, которые на своихъ веселыхъ поляхъ пали не только за Францію, но и за насъ—за Россію.

О Б е л ь г і и.

- Вы—бельгіецъ?
- Да, я бельгіецъ.
- Вы—унтеръ-офицеръ?
- Да, я сержантъ въ полку гидовъ.
- Что вы думаете о нѣмцахъ?

— Я думаю, что нѣмцы грабители и убійцы.

— Но вѣдь не всѣ же нѣмцы грабители и убійцы...

— Я не знаю и не желаю знать, всѣ или многие, или только ничтожное меньшинство. Но я знаю, что ихъ войска сжигали наши деревни и разстрѣливали дѣтей, стариковъ и женщинъ.

— За эти поступки отвѣчаютъ отдѣльные лица.

— Нѣтъ, за нихъ отвѣчаетъ Германія, ея правительство и народъ. Правительство,—потому что это дѣлалось съ вѣдома военныхъ властей, народъ,—потому что онъ промолчалъ. Кто молчитъ, тотъ выражаетъ согласіе.

— Вашъ полкъ во Фландріи?

— Да, на Изерѣ.

— Вы берете въ плѣнъ нѣмцевъ?

— Очень мало.

— Почему?

— Не случается... Мой братъ убитъ подъ Термондомъ отецъ разстрѣлянъ въ Динанѣ, мать и сестра—въ Эршотѣ. Я остался одинъ. У меня нѣтъ ни имущества, ни родины, ни семьи... Вы поняли? Да?

Я понялъ: французы не любятъ нѣмцевъ, бельгійцы ихъ ненавидятъ. Для французовъ нѣмцы—„les boches“, для бельгійцевъ—разбойники на большой дорогѣ. Не преувеличено ли бельгійское мнѣніе? Вѣдь германское правительство въ своей „Бѣлой книгѣ“ пытается доказать, что въ Бельгіи нѣмецкія войска не нарушили законовъ войны. Оно утверждаетъ: 1) что городское и деревенское бельгійское населеніе съ оружіемъ въ рукахъ сопротивлялось нѣмецкимъ солдатамъ и совершало звѣрства надъ ранеными; 2) что бельгійское правительство порочило это сопротивление; 3) что бельгійская слѣдственная комиссія оклеветала нѣмецкую армію. Если повѣрить чиновникамъ, составлявшимъ „Бѣлую книгу“, то выходитъ, что въ своихъ несчастяхъ виноваты сами бельгійцы. Бельгійское правительство не прошло молчаніемъ этихъ беззастѣнчивыхъ утверждений. На-дняхъ оно напечатало огромный томъ въ 528 страницъ in quarto: „Отвѣтъ на Бѣлую нѣмецкую книгу“ („Réponse au livre blanc allemand“, Paris-Nancy, Berger-Levrault, 1916). Въ этомъ, изобилующемъ документами сборникѣ читатель най-

дѣтъ неоспоримыя доказательства, что бельгійское гражданское населеніе не сопротивлялось нѣмецкимъ войскамъ и что бельгійскія власти неповинны ни въ какомъ подстрекательствѣ. (См., напримѣръ, циркуляръ бельгійскаго мин. вн. дѣлъ отъ 4 августа 1914 г.). Я же хочу остановиться только на „клеветѣ“, запятнавшей нѣмецкую армію,—на нѣсколькихъ цифрахъ. Изъ этихъ цифръ станетъ яснымъ, преувеличивалъ ли бельгійскій сержантъ въ разговорѣ со мной, или въ его непримиримыхъ словахъ была правда,—та правда, которую не сотрутъ никакія „Бѣлыя книги“.

Жгли и грабили ли нѣмецкія войска?

Въ брабантской провинціи уничтожено 5,833 дома (въ брюссельскомъ округѣ 1,065, въ лувенскомъ 4,563, въ нивелльскомъ 205), въ антверпенской 3,553 (въ антверпенскомъ округѣ 344, въ малинскомъ 3,169, въ тюрнутскомъ 40), въ льежской 3,444 (въ льежскомъ округѣ 2,52, въ округѣ Гюп 255, въ округѣ Вербье 581, въ вареммскомъ 16), въ намюрской 5,243 (въ динанскомъ округѣ 2,232 въ филиппилльскомъ 1,301, въ намюрскомъ 1.710). Итого въ четырехъ (изъ девяти) бельгійскихъ провинціяхъ уничтожено, т.-е. сожжено, разрушено и разграблено, 18,073 дома. Въ правѣ ли бельгійскій сержантъ утверждать, что нѣмцы—грабители?

Убивали ли нѣмецкія войска дѣтей, женщинъ и стариковъ?

Точныя свѣдѣнія существуютъ только для Динана и для Лувена. Въ Динанѣ убито: женщинъ—71, дѣтей моложе 15 лѣтъ—39, стариковъ, старше 60 лѣтъ—86; въ Лувенѣ: женщинъ—24, дѣтей моложе 15 лѣтъ—8, стариковъ, старше 60 лѣтъ—29. Всего же въ Динанѣ и Лувенѣ убито 816 человекъ обоого пола. Въ правѣ ли бельгійскій сержантъ утверждать, что нѣмцы—убійцы?

Провѣрены ли эти краснорѣчивыя цифры? Онѣ провѣрены бельгійской слѣдственной комиссіей. Нѣмцы не согласились подвергнуть ихъ безпристрастному изслѣдованію уполномоченными обѣихъ сторонъ или представителями нейтральныхъ державъ. Такое изслѣдованіе предлагалось неоднократно. Оно было предложено Лувенскимъ университетомъ въ августѣ 1914 г., бельгійскими и потомъ голландскими социалистами и бельгійскими масонами въ сен-

тябрѣ, кардиналомъ Мерсье въ декабрѣ, малинскимъ викаріемъ въ февралѣ 1915 г., епископомъ намюрскимъ въ апрѣлѣ и ноябрѣ, шестью бельгійскими епископами въ ноябрѣ и, наконецъ, въ мартѣ 1916 г., профессоромъ брюссельскаго университета Массартомъ. Всѣ эти предложенія были отвергнуты нѣмцами. Позволительно спросить, почему нѣмцы не согласились на нихъ? Не потому ли, что и нѣмецкое правительство, и нѣмецкое духовенство, и нѣмецкіе масоны, и нѣмецкіе социалисты въ глубинѣ души знаютъ, что безпристрастный и независимый судъ долженъ вынести имъ тотъ же беспощадный въ своей опредѣленности приговоръ, который вынесъ мой собесѣдникъ, бельгійскій сержантъ? И развѣ, напримѣръ, депутаты Носке и Шейдеманъ своимъ отказомъ косвенно не оправдали нѣмецкихъ властей, т.-е. не приняли отвѣтственности за ихъ слова и поступки? Вспомните также знаменитый манифестъ 993 нѣмецкихъ „интеллигентовъ“... Разумѣется, неразумно и недобросовѣстно утверждать, что всѣ нѣмецкіе солдаты—грабители и убійцы, какъ преступно и неразумно отказываться отъ нѣмецкой культуры. Но можно и должно закрѣпить то, что было: въ августѣ 1914 года нѣмецкія войска, съ вѣдома своихъ командировъ и при попустительствѣ своего народа, совершили въ Бельгіи рядъ уголовно-наказуемыхъ преступленій, преступленийъ тѣмъ болѣе неожиданныхъ и тяжелыхъ, что Германія—христіанская и цивилизованная страна. Нѣмецкая же „Бѣлая книга“ пытается опровергнуть неопровержимые факты и устами майора фонъ-Клевица, одного изъ „доблестныхъ героев“ Лувена, заявляетъ, что „поведеніе германской арміи достойно служить примѣромъ“. И когда думаешь о „тріумфальномъ бельгійскомъ маршѣ“ и о „Бѣлой нѣмецкой книгѣ“, то не знаешь, чему больше надлежитъ удивляться, —необузданной жестокости нѣмцевъ или ихъ наивному лицемерію? Или, можетъ быть, никогда и ничему не слѣдуетъ удивляться?..

Завоеванная Бельгія.

„Кто желаетъ путешествовать по завоеванной Бельгіи, тотъ долженъ сперва закалить свое сердце: развѣ есть несчастіе болѣе тяжелое, чѣмъ потеря свободы? Что должны испытывать люди, переживая это, — послѣднее, — униженіе?

Такъ пишетъ пангерманистъ Свенъ Гединъ, вѣрный слуга Вильгельма II-го и поклонникъ Бернгарди и Трейчке. Если даже благонамѣренный Свенъ Гединъ былъ вынужденъ „закалить свое сердце“, значить, въ Бельгіи дѣйствительно „скрылось небо, и всякая гора и островъ двинулись съ мѣстъ своихъ“.

Есть три горя—три скорби.

Горе первое—разореніе.

Горе второе—безработица.

Горе третье—потеря свободы.

Разорена ли Бельгія? Нѣмецъ Вильгельмъ фонъ-Боден утверждаетъ, что нѣтъ. „Въ большинствѣ бельгійскихъ провинцій количество разрушенныхъ зданій не превышаетъ 2%. Только въ окрестностяхъ Антверпена и Намюра оно равняется 4 и 5%. Всего въ Бельгіи уничтожено или повреждено 26 тысячъ построекъ, въ которыхъ жило до 150 тысячъ человѣкъ“. („Deutsche Tageszeitung“, 17 іюля 1915 г.). Таковы цифры господина фонъ-Боден. Но вѣдь мы знаемъ, что, на примѣръ, въ Визе осталось всего 12 домовъ, въ Лувенѣ,—изъ 150 только 76, въ Тремелоо—половина, и что ни Визе, ни Лувенѣ, ни Тремелоо, къ несчастью, не исключенія. Мы знаемъ также, что 320 тысячъ бельгійцевъ бѣжали въ Голландію, 100 тысячъ—въ Англію и что, кромѣ того, очень многіе бѣглецы нашли пріютъ во Франціи и въ Швейцаріи. И мы знаемъ еще, что, по всей странѣ мосты взорваны, церкви разстрѣляны, музеи разграблены и бібліотеки—по крайней мѣрѣ Лувенская—сожжены. Если это—не разореніе, то это называется нищетой.

Есть ли въ Бельгіи безработица? Жизнь страны остановлена; телеграфъ и почта въ рукахъ военныхъ властей; передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ затруднено; банки закрыты. „Нѣмецкія газеты печатаютъ объявленія о прода-

жѣ конфискованныхъ въ Бельгіи лошадей; въ Германію отсылаются вина, принадлежащія частнымъ лицамъ; орѣховыя деревья систематически вырубаются; конфискуется хлопчатая бумага, ленъ, каучукъ, шерсть, никкель, мѣдь, кожа; конфискуются также быки и свиньи“ („Protestation du gouvernement Belge“).

Разумѣется, при такихъ условіяхъ не могутъ процвѣтать ни промышленность, ни торговля, ни земледѣліе. Въ настоящее время въ Бельгіи болѣе 700 тысячъ человѣкъ не имѣютъ работы. Что имъ дѣлать? Работать для арміи Вельгельма II? Но бельгійцы «упрямы». Они отказываются отъ чрезвычайно выгодныхъ предложеній и не соглашаются исполнять нѣмецкихъ заказовъ—жалуется „Reishspost“ (25 іюня 1915 г.)... Господинъ фонъ-Боденъ хотѣлъ бы, чтобы бельгійскій народъ самъ выковалъ свои цѣпи.

Есть въ Бельгіи не свобода, а хотя бы намекъ на нее? „...Если хладнокровно взглянуть на то, что происходитъ въ занятыхъ нѣмецкими войсками провинціяхъ, то для человѣка, изучавшаго юридическія науки, становится яснымъ, что нѣмецкое правосудіе въ Бельгіи противорѣчитъ основнымъ началамъ законности. Правосудіе это не подлежитъ никакому контролю; судья судитъ по впечатлѣнію; подсудимый не огражденъ въ своихъ законныхъ правахъ. Такая судебная процедура кажется намъ опаснымъ и тягостнымъ произволомъ. Право судебной защиты является въ нашихъ глазахъ краеугольнымъ камнемъ личной свободы. Нѣмецкія власти не признаютъ за нами этого права. Они строятъ свои обвиненія на показаніяхъ доносчиковъ и агентовъ тайной полиціи. Они превращаютъ въ казарму храмъ закона и справедливости“. („Protestation adressée au gouverneur Allemand par le Bâtonnier de l'Ordre des Avocats de Bruxelles“). Такъ говоритъ бельгійскій юристъ. Бельгія въ рукахъ доносчиковъ и шпионовъ... Это ли не послѣднее униженіе? Не послѣднее, тягчайшее горе?

Бельгія поругана и разорена. Ея рабочее трудолюбивое населеніе питается подаваніемъ. Во всѣхъ городахъ стоятъ „побѣдоносные гарнизоны“. Нѣтъ парламента, нѣтъ короля Альберта, есть губернаторъ—баронъ фонъ-Биссингъ. Онъ творитъ судъ и расправу. Онъ милуетъ. Онъ издаетъ за-

коны. Примирились ли бельгійцы съ „нашествіемъ“ гунновъ? Отреклись ли отъ родины? Сдѣлались ли вѣрноподанными германскаго императора? Вотъ что пишетъ о Бельгій нѣмецкій профессоръ: „У бельгійцевъ въ крови неутолимая страсть къ демонстраціямъ. Они демонстрируютъ при помощи національныхъ цвѣтовъ: у множества „патріотовъ“ вы увидите на груди розетку черно-желто-краснаго цвѣта. Продажа этихъ розетокъ воспрещена. Быть можетъ, слѣдовало бы запретить также бельгійскіе флаги. Этими флагами во многихъ церквахъ украшаютъ статую св. Іосифа, покровителя Бельгій. Въ Гейтѣ, въ соборѣ, имѣется надпись: „Святой Іосифъ, защити нашу родину твоимъ сердцемъ и твоею рукой“. Вѣрующіе собираются вмѣстѣ и при свѣчахъ „демонстративно“ молятся Богу“. („Belgien unter deutscher Verwaltung“ „Suddeutsche Monatshefte“, апрѣль 1915). Другой нѣмецкій професоръ негодуетъ на упорство бельгійцевъ. „Многіе офицеры, принимая отвѣтственные посты въ бельгійской администраціи, были исполнены наилучшихъ намѣреній. Они желали добра населенію. Но они натолкнулись на упорное сопротивленіе властямъ. Это сопротивленіе оскорбило ихъ чувства. Бельгійцы напоминаютъ дѣтей. Ихъ патріотизмъ выражается въ мелочахъ. Заставить ихъ покориться такъ же трудно, какъ побѣдить непріятеля въ въ открытомъ бою“ („Vossische Zeitung“, 1 іюня 1915). Наконецъ, „Berliner Tageblatt“ (19 марта 1915) такъ описываетъ настроеніе не валлонской, французской, а фламандской, нѣмецкой,—завоеванной“ Бельгій: „Фламандецъ германскаго происхожденія, и онъ это знаетъ. Но даже до начала войны онъ никогда не видѣлъ въ насъ братьевъ и уже, разумѣется, не видитъ теперь. Наоборотъ, онъ насъ ненавидитъ. „Liver Dood als Duitsch“—„лучше смерть, чѣмъ Германія“. Вотъ тѣ слова, которыми онъ встрѣчаетъ нашихъ солдатъ. Конечно онъ не любитъ французовъ, но все-таки французскій языкъ онъ предпочитаетъ нѣмецкому. „Мы побѣдили фламандцевъ, но мы еще не успѣли ихъ приручить“.

Я взялъ эти примѣры наудачу,—не выбирая. Ихъ можно привести десятки и сотни. Вотъ уже 16 мѣсяцевъ, какъ Бельгій раздавлена чужеземцемъ. Но и теперь, черезъ 16 мѣсяцевъ поруганія, и валлонъ, и фламандецъ, скорбя о

родинѣ, переживая темное горе—три скорби, три горя,—повторяетъ слова старой бельгійской пѣсни, той пѣсни, гдѣ говорится о мятежномъ и гордомъ львѣ:

„Zij zullen hem niet temmen“.

„Den fieren vlaamschen leeuw“...

Кузнецъ изъ Шеербенке.

Кузнецъ Маттіасъ Ванъ-де-Кершовъ, родомъ изъ Шеербенке, былъ арестованъ въ Гассельтѣ. Онъ былъ арестованъ подѣ воскресенье, когда спалъ крѣпкимъ сномъ.

Въ понедѣльникъ его судили нѣмецкія власти: полковникъ и два капитана.

Полковникъ, очень высокій и полный, уже сѣдой чело-вѣкъ, задалъ ему рядъ вопросовъ:

— Признаете ли вы себя виновнымъ, что тайнымъ образомъ пересылали письма во Францію?

Маттіасъ Ванъ-дѣ-Кершовъ, знаменитый въ Гассельтѣ своей силой,—онъ поднималъ карету за колесо,—пожалъ съ недоумѣніемъ плечами:

— Виновнымъ?.. Вины здѣсь нѣтъ никакой, а письма я, дѣйствительно, посылалъ.

Первый капитанъ поднялъ голову отъ стола и взглянулъ на Ванъ-де-Кершова съ любопытствомъ. Второй капитанъ тоже внимательно посмотрѣлъ на него.

— Такъ... Признаете ли вы себя виновнымъ, что помогали молодымъ людямъ, подлежащимъ призыву, переходить незаконно границу?

Ванъ-де-Кершовъ снова пожалъ плечами.

— И здѣсь я не вижу вины. Эти молодые люди переходили границу по приказу бельгійскаго короля.

Первый капитанъ нахмурился и сказалъ:

— Въ Бельгіи нѣтъ короля.

Второй капитанъ тоже нахмурился и прибавилъ:

— Въ нѣмецкой Бельгіи есть императоръ... Императоръ Вильгельмъ Второй.

Ванъ-де-Кершовъ ничего не отвѣтилъ.

— Такъ... Признаете ли вы себя виновнымъ, что помогали плѣннымъ французамъ бѣжать?

Ванъ-де-Кершовъ слегка покраснѣлъ.

— Я не признаю себя виновнымъ ни въ чемъ... Французскимъ солдатамъ я, дѣйствительно, давалъ деньги, но я думалъ, что, поступая такъ, я служу моей родинѣ.

Первый капитанъ разсердился:

— Ваша родина не Бельгія, а Германія.

Второй капитанъ подтвердилъ:

— Нѣтъ Бельгіи. Есть Германское государство.

А полковникъ, потирая пухлыя руки, замѣтилъ:

— Вы сознались. Это облегчаетъ нашу задачу... Судъ уходитъ на совѣщаніе.

И черезъ десять минутъ былъ вынесенъ приговоръ:

„Загосударственную измѣну, кузнеца Маттіаса Ванъ-де-Кершова, родомъ изъ Шеербекке, предать смертной казни“.

Ванъ-де-Кершовъ выслушалъ и ничего не сказалъ. Можно было подумать, что онъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ стоялъ передъ судьями, огромный, свѣтловолосый, голубоглазый, и вертѣлъ въ рукахъ свой картузъ. Полковникъ поморщился и кивнулъ головой:

— Уведите его!

Ванъ-де-Кершова увели обратно въ тюрьму.

На зарѣ его разбудили. Онъ молча одѣлся, закурилъ трубку и, окруженный конвоемъ, вышелъ на улицу. Вставало октябрьское утро. День былъ мгlistый, туманный, и солдаты, — баварцы въ сѣрыхъ шинеляхъ, — шли угрюмо, поеживаясь отъ холодной росы. Гассельтъ спалъ. На улицахъ не было никого. Гулко по мостовой раздавалось эхо тяжелыхъ сапогъ.

За кладбищемъ, въ полѣ, солдаты остановились. Офицеръ, — одѣтый съ иголки лейтенантъ, — поставилъ Ванъ-де-Кершова у церковной стѣны. Потомъ другой офицеръ, постарше, быстро, глотая слова, прочиталъ приговоръ. Когда онъ кончилъ, Ванъ-де-Кершовъ вынулъ изо рта трубку:

— Господинъ лейтенантъ...

— Что надо?

— Я имѣю къ вамъ просьбу.

— Какую?